

АНТОН ЛИСИЦЫН

Амнезия

АНТОН ЛИСИЦЫН

АМНЕЗИЯ

«Издательские решения»

Лисицын А. С.

Амнезия / А. С. Лисицын — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980863-9

Аннотацию должен был бы написать редактор, критик или кто-то там еще. Но книга просится на волю, и я должен её отпустить. Хочу наконец-то избавиться от неё и приступить к работе над следующей. Если аннотация должна заставить купить, то в написании таких текстов я слаб — не могу заставить себя впаривать что-либо. А деньги мне нужны, чтобы оплатить работу редактора или подкупить критика для следующего произведения. Но я уверен, что чтение доставит вам удовольствие, и надеюсь, заставит вас задуматься. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980863-9

© Лисицын А. С.
© Издательские решения

Содержание

Антон лисицын Амнезия	6
Пролог	7
Глава I Переход	8
1	8
2	13
3	18
Глава III Давай подбросим камни в небо	22
1	22
2	23
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Амнезия

Антон Сергеевич Лисицын

© Антон Сергеевич Лисицын, 2020

ISBN 978-5-4498-0863-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антон лисицын Амнезия

Пролог

Всем и так давно понятно, что пролог, несмотря на свое место положения, пишется последним. А за частую, его вообще никто не читает. Я и сам не люблю длинные вступления и «спойлеры».

В моем случае первой строчкой всего повествования был как раз эпилог. А остальные три истории и есть длинное вступление. То что эти истории связаны в один не большой роман, я уверен, что ты, уважаемый читатель поймёшь и сам, в момент когда твой взгляд остановится на последней точке. И должен сразу объяснить, что тех героев кто останется в живых, ждёт ещё очень много интересного.

И хоть судьбы моих героев создаю я, жизнь им дарят ваши глаза и мысли.

Нет лучшего места, для упоминания и выражения благодарности художнику, чем пролог. Я уверен, что определение «художник», можно использовать и для скульптора. И поэт тоже художник, ведь он творит, используя слово как краски, добивается ритма, нанося пером выразительные оттенки на полотне стиха.

Искусство бьёт магическим фонтаном в ноосферу. И начинающий писатель, долго ломая голову над завершением своего первого творения, уставший и измотанный сомнениями, однажды случайно попадает на выставку работ Павла Формана и Стефана Милкова. И то, что он видит там, будоражит его сознание, ведь перед ним стоят, выраженные в других формах искусства, строки из его же произведения.

А что касается пророческих картин Ивана Хивренка, которые заставляют задуматься, и просто не могут оставить равнодушным ни одного Украинца. Хочу лишь сказать, что пророчество – это тернистый путь фантазии, и неизвестно куда он может привести. Я очень надеюсь, что не сбудутся некоторые пророчества. И солнце будет одинаково согревать всех под мирным небом.

Глава I Переход

1

– Мнда раньше тут по пятницам не протолкнуться было. Помнишь, как кто-то сказал, что зарезервирует столик и забыл о своей наиважнейшей и одновременно такой простой миссии?

– Ага, мы даже не смогли уместиться за барной стойкой, и бармен был лишен удовольствия весь вечер выслушивать наш пьяный бред.

– Да Джем, это был ты, ты и этот косяк тебе, никогда, не искупить.

Будучи уже в хмельном веселье, Саня, (он сегодня, раньше всех пришел в ПАБ), поднял вверх бокал пива и произнес:

– За моих друзей, и за все их косяки.

– За то что бы мы почаще собирались вместе и что бы тут было людно как прежде!

Макс, продолжил тост, с бокалом красного пива в руке.

Джем, Давид и Тимофей присоединились к тосту.

Все дружно смеялись, не замечая ничего и никого вокруг, друзья громко стукнулись бокалами. Не заметна была и тень печали в Сашиных глазах после того как его старый друг, Макс повторил: " И что бы мы чаще собирались».

Пробелы в пустующих столиках, заполняла громко играющая музыка, было ясно, что и бармен уже подвыпил, что ему от чего-то тоскливо, и он тоже решил пропустить пару рюмок в этот пятничный вечер.

Макс и Саня были знакомы ещё со школьной скамьи, именно тут, несколько лет назад, в этом баре им однажды посчастливилось встретить Джема, Давида и Тимофея.

«ДДТ» Так они прозвали веселую троицу, которая решила отметить свой переезд в новый город.

Макс, в тот знаменательный вечер, наткнулся на тяжелое плечо Джема, и по своей природе, не стал извиняться, а наоборот пригрозил здоровяку своими «друзьями». За что сразу получил кулаком под дых, был поднят за шкирку и выброшен в угол зала, в полете задев парочку столов. Сидящие за этими столами гопники решили не разбираться и с кулаками налетели на беднягу Макса. А тот еще не успев опомниться от предыдущего удара, только и смог прикрыть, свою рыжую, голову руками.

Но не успел он получить и двух-трех ударов, пряча лицо, умело выставив блок. Как в потасовку ввязался все тот же Джем, а за ним в толпу прыгнули Давид и Саня.

Тимофей стоял в стороне, он не вмешивался до тех пор, пока администратор ПАБа не решила вызвать полицию. Он лишь аккуратно схватил её за запястье и забрал мобильный. Со словами:

– Милая моя, не переживай ты так сейчас все закончится.

Потасовка оказалась славной, в конце концов этой пятерке пришлось бежать из ПАБа до приезда полиции. Пьяные и слегка побитые они решили зайти в заведение по соседству.

Там и познакомились: Макс и Саня вместе заканчивали местный вуз. Потом вместе работали на стройке. Давид и Джем познакомились с Тимофеем в маршрутке по дороге из Харькова.

И вот сегодня, уже по старой традиции, они сидели в том самом ПАБе, еще не зная, что вместе они собрались в последний раз.

Саша, обремененный своими мыслями, задумчиво смотрел в одну точку стола, вновь и вновь хватаясь за свой любимый Джин-Тоник.

– Ребята, по-моему, Я влюбился, и нужно чтобы вы пришли, сюда в это Воскресенье. Я приведу свою девушку, она просто прекрасна.

Джем громко стукнул бокалом пива по столу, и крикнул.

– Ахахах, наше Солнышко скоро женится!!!

– Никто не говорит о свадьбе, мы познакомилась совсем недавно. Покрылся багровой краской Макс, залил ею все веснушки. Что вызвало безудержный смех его друзей

– Ну что братец я очень рад за тебя.

Наконец-то заговорил Давид, весь вечер он лишь немного поддерживал разговор, но на самом деле был погружен в свои мысли, и стакан ржаного виски.

– Мне в воскресенье пьянка не к чему.

Протестовал Тимофей. Я вас упыри знаю. С вами нельзя просто выпить по бокалу пива, в итоге как обычно нажремся в сопли. А у меня в понедельник важные дела. Потом меня познакомишь со своей девушкой.

– Ну ты и...

Макс разочарованно поставил пустой бокал пива на стол. И махнул официантке.

Та не обернулась, продолжая заниматься своими делами, всматривалась в экран смартфона.

– Макс, ты ведь знаешь у меня тренировки, я не могу их пропускать.

Джем был заядлым спортсменом, в компании алкоголиков и лишь изредка позволял себе выпить пивка, обычно каждую вторую пятницу месяца.

– Не переживай брат, я позову с собой Мэри, думаю нам будет полезно выйти куда то и немного развеяться. Последнее время мы с ней мало общаемся, и мне кажется, мы отдаляемся друг от друга.

– Ну что Саньок, а у тебя какие отмазки?

Не зная, что и делать (оставался только сарказм) обхватив рукой голову Саши, Макс уперся в него своим лбом и пристально, в упор смотрел пьяными глазами, на своего лучшего друга.

Саня оттолкнул его, сделал еще один глоток джин-тоника и сказал:

– Друзья мои, Я сегодня праздную свою последнюю пятницу, я теперь безработный. Я не приду в это воскресенье, потому что забираю жену и ребенка в село к матери. Грядут тяжелые времена, а там, в селе, думаю, протянем на домашнем хозяйстве.

– Подожди как это безработный, да как тебя уволили?

– Да так же как и всех. Всё, нет больше предприятия, мы закрываемся. Ни кому сейчас не нужна декоративная плитка.

В воздухе застыла тишина. В который раз, казалось, что кризис уже достиг дна, и огромным, прожорливым сомом погрузился в грязный ил. Но все помнили, что это дно пробивалось не раз. И давно не ожидали перемен к лучшему.

– Дела плохи, нас тоже ждут сокращения. Поглядывая на дно «олд фэшна», пробормотал Давид. – Шеф назначил собрание менеджеров, на понедельник.

– А меня отправляют в Днепр, везу вашу красотку из отдела продаж.

Джем и Давид работали в одной компании, Давид был менеджером среднего звена, а Джем сначала был охранником, а потом получил должность «корпоративного водителя», возил руководство, на служебной Ауди.

– Эта проклятая война, высасывает из нас все соки, повезло тем, у кого нет семьи, мы то холостяки ещё протянем, а если уже совсем плохо станет и сами запишемся в солдаты, как моя бабушка говорила, «там оденуть, обуять и накормят».

– Рыжий, не мели ерунды, какая армия?

– Тим, тебе хорошо говорить, народ как бухал водяру и дешевое пиво, так и будет. А в твою наливайку ещё больше, наверное, заходят теперь. Сам вот ты почему не бухаешь у себя? Водяра то паленая.

– Нормальная водка, сейчас пойдём ко мне на точку, будем дальше пить горилку.

– Нет, спасибо я пас. Мне нужно домой, поговорить с Мэри. Пока я ещё не сильно напился.

– Не сильно напился? Да ты в хлам.

– Макс прав, подключился Джем, сегодня уже точно не нужно ничего делать, лучше продолжать пить, а завтра проспийся и поговоришь со своей Мэри.

– Нет, я боюсь, что когда я проснусь, её уже не будет рядом. Извините, но мне надо идти. Давид поднялся из-за стола, неуверенно пошатываясь, он одел куртку, проверил карманы: документы, деньги, немного сигарет и зажигалка «крикет».

Положив несколько купюр на стол, попрощался с друзьями и вышел в холодную ночь.

На календаре последние дни апреля, зима должна быть уже давно позади, но Давид всем своим телом чувствовал наступление холодов.

Мысли путались в его пьяной голове:

– Вдруг это то самое о чем предупреждали нас, «Зеленые». Что если лето больше не наступит никогда, и вдобавок к этой проклятой войне, нас всех ждет еще и голод?

– Нет, такого быть не может, просто теплые дни немного под задержались.

Успокаивал голос его любимой Мэри.

– Мэри, моя милая Мэри мне нужно с ней поговорить, я должен знать, что происходит с ней, с нами.

«Какая то аномальная погода»... повторяется в голове.

– Чушь все, не раз за свою жизнь я слышал это, уже и не все вспомню, сколько, но каждый раз, задумываешься, а вдруг это то самое аномальное, что положит начало концу. Все проходит и возвращается вновь.

Наконец то, добравшись к своему подъезду, Давид еле поднялся по ступенькам на первый этаж и понял, что на третий он точно не доберется пешком. И что нужно вызывать лифт.

Огромные и тяжелые механизмы послушно заработали после нажатия на маленькую кнопку. Слушая, постукивание шестеренок и как гудит лебедка. Давид уперся одной рукой к стене, а другой рукой доставал смартфон из кармана, что бы глянуть на часы.

– Она наверное уже спит, может не стоит её будить.

Телефон выскочил из рук и уголком приземлился на бетонный пол. Дверь лифта открылась одновременно с тем как, покрываясь паутиной, погас его экран. Матернувшись сквозь зубы, Давид поднял телефон и зашел в кабину лифта. Нажав на кнопку, он приказал механизмам поднять его на третий этаж. Двери захлопнулись и под ногами, нервно, задрожал пол.

Давид почувствовал страх, подобной тому страху, что настигал его во время авиaperелетов, когда самолет плавно набирал высоту, заставляя вжаться в кресло и крепко стиснуть пальцы, схватившись за подлокотники. Также хотелось, ухватился руками за стену, и прижаться спиной в угол дрожащей коробки. Давид старался собраться, и откинуть безосновательный приступ паники, а лифт продолжал свое движение.

Лифт тянется слишком долго, вызывая неприятное ощущение, того что это все сон. Очень даже реалистичный сон, брезгливо-страшно прикасаться к грязной и холодной фанере. Рывок, мигание лампочки, на мгновенье пропал свет.

Давида разбудил шум встречного поезда метро.

Сложно вспомнить все, о чем он думал однажды, а может быть и несколько минут назад, все мысли выворачивались в центрифуге турбулентности. Он, беспомощный пассажир, летя-

щий в пропасть, цепляясь пальцами за гладкую поверхность, грязной фанеры. Лифт продолжает тянуться в верх, мигают лампы, тень давит с потолка... паника и сердце бьётся так, что вот-вот взорвётся.

На мгновение все затихло, не слышно движения тросов. Вибрация стен и все вокруг, исчезло. Мигающий свет снова погас. Тьма и невесомость на короткое мгновение охватили тело Давида...

– Станция «Золоти ворота». Прозвучало из динамиков.

Тусклый свет ламп резко ворвался в глазницы Давида, он интуитивно схватился за поручень, вокруг рядом стояли люди, кто то сказал:

– Смотри ка проснулся, удивительно, как это его в депо не заметили
Давид не услышал этого.

– Метро? Стоп я же на лифте поднимался...

Все ещё не понимая, что происходит, поддавшись движению толпы, он вышел, толпа пассажиров вынесла его из вагона, каждый торопился куда то по своим делам, но все двигались в одном направлении. Словно косяк селедки вырывался из консервной банки, организованным потоком, направляясь в новые сети...

Эскалатор, рекламные борды, лица встречных людей. Давид вцепился руками за поручень и изо всех сил пытался устоять на дрожащих ногах. Тошнота подходила к горлу, а голова болела, так как будто он пропустил несколько ударов от боксера тяжеловеса. Яркий свет раздражал глаза, картинка вокруг была смазанной, лишённой четких очертаний.

Где то играет скрипка. Ноты разлетаются и бьются о стены. Музыка звучит особенно магически. Давид проходит мимо комнаты, дверь приоткрыта, Мэри в своей смешной пижаме сидит на диване и в слезах слушает, как играет на скрипке David Garret. Давид делает еще несколько шагов, он хочет, но не может зайти к ней в комнату, толпа людей снова заталкивает его на ступень следующего эскалатора.

Выскочив на улицу, раздвигая людей в стороны, он вырывался из толпы, бежать не было сил, но он убегал, убегал прочь от собственного страха, от того что ему никак не понять. Окончательно выдохнувшись, он присел на холодный каменный парапет, голова все еще продолжала кружиться и пыталась тошнота.

Давида вырвало прямо у подножья исторической достопримечательности. И вот пара рук подхватила его за плечи и куда-то повели.

– Давид, это ты. Я не сразу тебя узнал, Ты очень изменился, постарел, всего за пару лет. Прекращай так бухать дружище.

Они остановились возле памятника коту. Второй человек протянул бутылку воды и сказал.

– На прапалаша рот.

– Тебе повезло, что мы тебя встретили, а не менты.

Давид понемногу уже приходил в себя, головная боль затихала, но картинка все еще была расфокусирована. Он прищурил глаза и пристально всмотрелся в лицо стоящего напротив него человека.

Иван Петров, старший брат его одноклассника весело улыбался дырявыми от кариеса зубами, а рядом с ним стоял невысокого роста мальчуган в низко посаженной на уши и брови черной шапке.

Давид принял бутылку из рук мелкого, открутил крышку и влил прохладную жидкость в рот. Прополоскав полость, он выплюнул её под основание памятника.

– Ты откуда такой взялся, что случилось, рассказывай.

– Я... Я не знаю.

– Да он не пьяный, он же абдолбанный, ты пасматри на его зрачки.

– Ого и вправду, как два больших бильярдных шара. Ты вообще хоть, что то видишь такими глазами?

– Очень плохо. Все так же тихо и еще больше пугаясь, ответил Давид.

– Так, нужно его вести на квартиру, нельзя его бросать здесь. Замерзнет ведь, не май месяц уже.

– Сагласен.

Они пошли вверх по Ярославому Валю, позади все также невозмутимо стояли древние ворота, по бокам красовались гламурные рестораны и гостиницы, мимо проезжали дорогие авто, жизнь шла своим чередом, и абсолютно никому не было дела до этой странной троицы, спокойно шагающей по тротуару.

– Вот почти пришли, улыбнувшись с сигаретой в зубах, сказал Петров.

Они свернули налево, спускаясь по узкой извилистой улице, стараясь обходить лужи.

Прогулка пошла на пользу, и Давид чувствовал себя уже намного лучше, они свернули в одинокий дворик и он, наконец-то смог поднять голову, и разглядеть старое здание.

Это был дом сталинской эпохи, пять этажей с высокими потолками, повидавшим жизнь фасадом, и пропитанным целым веком подъездом.

Взбираясь на второй этаж по обшарпанной лестнице, Давид рассматривал пожелтевшие перила и осыпавшуюся штукатурку стен. Но в подъезде было тихо и чисто, ни бычков, ни шприцов, ни пустых бутылок.

– Это очень спокойный дом и лучше продолжать здесь вести себя тихо. Я еще ни разу не встречал соседей и особо не горю желанием с ними встречаться.

Петров медленно проворачивает ключ в замочной скважине, открывает дверь в квартиру.

Это была двушка, кругом валялись кирпичи, некоторые стены наполовину разрушены, в оконные щели прорывался ветер. На улице уже стемнело,

Давид нажал на выключатель, желая рассмотреть весь интерьер.

– Нет электричества, уже давно отключили за неуплату, а счетчики на воду и газ внутри, так что если будут стучать, двери не открывай.

– Мы тут делали ремонт, а хазяен квартиры, куда-то исчез.

– Он резко собрал вещи и уехал с семьей за границу, не заплатив нам за уже купленные материалы.

Петров легонько стукнул ногой по лежавшему на полу мешку.

– Вот мы и решили остаться тут. Пока он не вернется. Днем работаем на объектах, а ночуем здесь.

– Он не вернется. Тихо сказал Давид.

– Ну тогда мы останемся тут на долго, все равно этот чёрт, задалжал нам кучу бабла.

Петров продолжил экскурсию, квартира немного освещалась уличными фонарями. Но в ванной комнате царил кромешная тьма.

– Вот есть надувной матрас, можешь заночевать на нем, его иногда приходится подкачивать, но все же лучше чем спать на полу.

Давиду хотелось умыться, и смыть с себя всё это наваждение холодной водой. Присветив зажигалкой он увидел интересный интерьер, новые трубы и раковина, все утилизировано под 20 е годы. Ванна была чистой, а из медного крана бежала горячая и холодная вода. Пока он, омывая лицо холодной водой, стучал себя по мокрым щекам и совал голову под кран, на кухне уже вовсю пылали горелки газовой плиты, а Петров, с фонариком на лбу, разогревал картошку в старой сковородке.

– Я уже купил пивасик, стоит в холодильнике, достань.

Давид открыл холодильник, в котором лежал мешок картошки.

Ребята дружно засмеялись.

– Халадильник у нас теперь балкон.

Мелкий стоял в пролете и держал в руках двух литровую бутылку пива.

– Меня кстати Сергей завут.

И протянул Давиду руку.

– Давид, очень приятно.

– Ты что еврей?

– Наполовину.

– На половину не бывает, ты либо еврей либо нет.

– Как сказал один классик «не все евреи – евреи. А иной раз евреем оказывается тот, о ком этого и не подумаешь.»

– Ты сматри. пришел в себя. Рассказывай давай на каких барбитуратах сидишь.

– Серый, отстань от него, Давид мой старый приятель, к тому же все мы любим иногда позависать.

Поев картошки и хорошо запив её пивом, Давид отправился в пустую комнату, с трудом накачав свой матрас, он рухнул на пол и мгновенно уснул. Спал он, крепко не видя снов, но как будто спал в двух местах одновременно.

2

Мэри рядом не оказалось...

За окном разорвалась звуковая бомба автомобильной сигнализации.

Проснувшись на полу, избиваемый мигренью, Давид, еще долго, исступленно смотрел на, аккуратно застеленную кровать. Мэри ушла, забрав все свои вещи, оставив пустую комнату и недопитую бутылку вермута.

Поднявшись с пола, протирая глаза, он отправился в ванную. Пытаясь смыть страшный сон, окунул голову под прохладную струю воды из под крана, как вдруг услышал голос у двери.

– Ха-ха, ты уже проснулся, не замерз ночью? Мы погнали на работу, ключи еда и пиво на столе.

– Как ты можешь доверять этому наркаману.

– Пошли давай.

Из темной ванной Давид вошел в разрушенный коридор, повсюду валялись доски, кирпичи, мешки и банки с краской. Пройдя на кухню, он увидел стоящую на столе сковородку с картошкой и салом. Рядом лежал ключ и магнит от парадной двери, три сигареты и банка пива.

Есть совсем не хотелось, в голове беспорядочно, друг об друга разбивались мысли. Мэри... мысли про Мэри, не смотря на всю абсурдность и сюрреалистичность ситуации, он все еще думал про неё и больше ни о чем думать не мог.

Долго вертя в руках зажигалку «крикет» он подкурил сигарету и сел на широкий подойник.

Холодный ветер, вихрем поднял с тротуара мусорные пакеты и уже совсем высохшую, примороженную листву. Вздываясь ввысь, подобно душам умерших, весь этот мусор пытался вырваться из оков огромного города, надеясь, что ветер сможет подкинуть их на небеса. Коричневый, листок каштана уперся в угол окна и напрочь отказывался от дальнейшего путешествия, тут он нашел свое убежище, тут в углу старого, грязного окна. Неожиданно как удар в пах, картинка вокруг стала четкой и ясной. В небе собирались тяжелые тучи, машины нагло рассекали по холодным лужам, обдавая брызгами прохожих. Ноябрь во всей своей красе и мерзости.

Давид соскочил с подоконника, бросив недокуренную сигарету в раковину, схватил висевшую на спинке стула куртку. Стал выкладывать на стол все содержимое карманов. Ключи от дома, разбитый телефон, кошелек, магнитный пропуск на работу и полупустая пачка сигарет.

– Где я, какой сегодня день, год, что со мною происходит.

А в ответ, лишь дождь забарабанил крупной дробью по серым окнам...

Весь день, Давид ходил по разрушенной квартире, подолгу смотрел в окна, нервный – миллиард раз, безрезультатно, пытался включить телефон, курил, смотрел в окно убеждая себя, что он не сошел с ума.

Он не знал, что делать и куда идти, ему было страшно выходить на лестничную площадку и не дай бог спустится ниже и выйти во двор. Едкий дым сигарет щипал его глаза, разбитый телефон так и не включился. Незнакомая квартира и ветер, задувающий в оконную раму: как бы не хотелось, но всё это оставалось реальностью.

– Ты видал сколько их там сабралось?

Давид услышал, как открывается входная дверь

– Сколько?

– Тысячи! я гаварю тебе это будет новый майдан.

– Ну, скажешь тоже мне, тысячи. Пару сотен пенсионеров и студентов, завтра послезавтра пойдут настоящие дожди со снегом и разбегутся все твои Евро интеграторы.

– А вот и не разбегутся, и я к ним присоединюсь. По отдельности мы капля, а вместе океан.

– Я тебе присоединюсь, нам объект заканчивать надо. И так уже вторую неделю возимся.

Услышав этот диалог Давид встрепенулся, закрыв лицо ладонями он не подав ни звука, продолжил слушать разговор своих новых-старых знакомых.

– Пасматри на него, апять абдалбался. Я же гаварил – наракаман.

– Да тихо ты! Дружище с тобой все хорошо? Ты в порядке?

Петров аккуратно потянул ладонь вниз, и обнажая дырявую улыбку, подбадривал своего старого друга.

– Все в порядке, тут все свои.

Уже не рвота, а застрявший ком в горле не давал Давиду произнести ни единого слова. Перед ним, на корточках, сидел Петров, а Сергей, все еще в той же шапке натянутой до бровей, пристально изучал вещи, лежавшие на столе. Больше всего его внимание привлек разбитый телефон, он взял его и долго рассматривал, вертя в руках.

– Никагда такого не видел, дарагущий наверное.

– Он разбит и не работает. Положи его на место.

Вслед за отчаянием, Давида настигнула не понятная, беспричинная злоба.

– А ты че быкуешь, А!?

Сергей все еще держал в руках, разбитый телефон – последнее, что напоминало Давиду о том, что тот еще не сошел с ума.

– Положи на место

– А вот тебе, Наркаман.

Мелкий показал средний палец и уже собирался положить телефон в карман. Но Давид, левой рукой отодвинув, все также сидевшего на корточках Петрова, резко встал на ноги, и с размаху ударил кулаком в лоб мелкого, тот жопой приземлился на мусорное ведро. Выхватив телефон из рук, лежащего на полу, Сергея. Шапка его еще сильнее налезла на глаза, перепуганный бедолага ни чего не видел, а лишь глотал ртом воздух, словно, карась, выброшенный на песчаный берег.

Давид одел куртку схватил со стола кошелек и ключи, не прощаясь, вскочил в ботинки и выбежал в коридор. Сбежав вниз по лестнице, он вышел на улицу, продолжая слепо мчаться

в никуда. По дороге у него слетел один ботинок, Давид остановился, переводя дыхание, обулся и туго завязал шнурки.

Свет вечерних фонарей отражался в ноябрьских лужах, проезжавший мимо «майбах» облил присевшего на корточки Давида с ног до головы. Грязные, холодные капли реальности заставили его подняться и слепо продолжать свой путь. Подойдя к перекрестку, он замедлил свой ход. Память подсказывала ему что тут лучше повернуть направо и продвигаться дальше, вниз по «Валу» в поисках станции метро, возможно таким образом он сможет вернуться обратно в лифт своего времени, вернуться к Мэри.

Давид остановился напротив парадного входа в «Редисон Хотель», чтобы собраться с мыслями, и так сильно хотелось курить. Из за стеклянных дверей к нему вышел охранник в строгом костюме. Прикуривая сигарету на ходу, он сказал:

– Не рекомендую вам находиться здесь в таком виде, вы можете напугать наших постояльцев. А те в свою очередь вызовут милицию.

– В каком таком виде?

– Приведите себя в порядок молодой человек.

– У вас сигаретки не найдется.

– Пошел вон, я сказал, пока хребет не переломал тебе.

Не нарываясь на неприятность, Давид побрел дальше. Отдалившись на несколько кварталов от верзилы в костюме, он попытался разглядеть свое лицо в отражении бокового зеркала, как раз припаркованного под фонарем, «мерседеса».

– В таком виде мне точно не стоит спускаться в метро. Первый же коп, а сейчас они все еще милиционеры, найдет повод...

Давид не стал рассуждать дальше, что с ним могло бы произойти, ведь и так с ним происходило нечто необъяснимое и объяснять, это нечто, не имело никакого смысла, ни кому, ведь тогда он рисковал надолго загреметь в психушку.

Еще около часа он бродил по улицам и закоулкам, пока не наткнулся на старенький погребок-пивнушку, сотрудники этого заведения точно не вызовут охрану при виде облитого грязью человека.

Спускаясь вниз по ступенькам, стараясь не смотреть на людей, уверенно и целенаправленно он искал табличку «WC».

Дверь была открыта, внутри его ждали, раковина, теплая вода и бумажные полотенца.

– Слава богу, что меня не закинуло лет так на 76 назад.

Чистое, вымытое лицо Давида улыбалось своему отражению в зеркале.

– Как и говорил Макс, нет ничего лучше сарказма, в ответ на дерьмовую ситуацию.

– Макс. Мы... я, ты, твоя девушка и Мэри, должны были сегодня ужинать вместе, прости брат, я немного заблудился.

Стук в деревянную дверь усиливался, кому то там было действительно невтерпеж.

Давид прошел в зал и сел за барную стойку. Рядом сидел, бородатый мужик и за его бороды было сложно определить возраст, может около 60ти, а возможно и моложе. Упершись локтями, в барную стойку, он внимательно следил за картинкой на экране телевизора. Бармен налил ему бехеровку в стакан. Старик, продолжая наблюдать за картинками на экране телевизора, на что-то матернулся, и стал доставать из карманов куртки, цвета хаки, трубку и пакет с табаком.

ПАБ был окутан дымом сигарет, бармен, лениво, разливал пиво в бокалы, делая вид, что не замечает нового гостя. Давид достал кошелек из внутреннего кармана промокшей кожанки, и тихо стал выискивать нужные номиналы. Достав две сотенные купюры и одну в пятьдесят гривен, печати 2005 пятого года, положил их на стол.

Ушлый бармен в тот час принес меню.

– Желаете выпить?

- Что вы можете приготовить из еды как можно быстрее, Я очень голоден.
- Отбивная по французски и картофель фри...
- Отлично, и сто грамм ржаного виски.
- Извините, но такого у нас нет.
- Тогда бурбон.

Бармен махнул рукой, позвав полненькую официантку и продиктовал ей заказ.

- Не желаете салат?
- Нет спасибо.

Сидящий рядом старик закурил трубку с душистым табаком, бархатный дым стелился густым туманом, бармен закинул четыре кубика льда в олдфешен и на глаз налил сто грамм «Джек Дениелс».

- Я ходил по всем дорогам и туда и сюда, обернулся и не смог разглядеть следы.

Бормотал себе в седые усы старик.

Давид сделал согревающий глоток кукурузного самогона, а затем и второй.

Поставив стакан на стойку, в нестерпимом ожидании ужина, он поднял голову вверх и тоже уставился в телевизор.

- Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна. Продолжал напивать старик.

Небольшой экран, подвешенного под потолком телевизора продолжал транслировать новости с Майдана Незалежности. Там все еще мерзли студенты. Давид сделал тяжелый глоток бурбона, искренне жалея этих студентов, зная о том, что произойдет дальше.

- Будет война.

Тихо сказал старик, ставя пустой бокал на стол.

Ни уставшая официантка, ни ленивый бармен не услышали старика. Девушка выгрузила с подноса картофель фри и отбивную по-французски, положила перед гостем салфетку с приборами и ушла на перекур. Зверский голод, заставил Давида вцепиться в кусок мяса. Поглощая пищу, он попросил налить ему еще бокал «темного».

- Война. Откуда вы знаете?

- А почему я должен тебе, что-то объяснять?

- Да потому что война действительно будет, но пока что об этом никто не знает.

Запивая пивом, разогретый в микроволновке кусок курятины с сыром, Давид продолжал наблюдать за картинкой вечерних новостей. Он решил завести разговор, в надежде, что этот колоритный пьянчуга сможет помочь ему.

Но старик уже слез со стула, и дымя своей трубкой, отправился к выходу.

– Не обращайтесь внимания, он просто сумасшедший... Подметил бармен, желая обратить на себя внимание.

Давид в спешке сделал еще несколько глотков, чтобы запить застрявший в горле картофель, оставил на барной стойке одну сотенную купюру,

- Спасибо, сдачи не надо, этого должно хватить и еще останется на чай.

– С лихвой! Довольный молодой человек улыбнулся взбудораженному гостю, вслед. – Заходите к нам еще.

Но Давид уже не услышал этого, он быстро поднимался по ступенькам наверх, в надежде догнать старика.

Мокрый асфальт, одинокие фонари и полнейшая тишина в густом табачном дыме. Давид крутился во все стороны, заглядывая в каждую подворотню, но старика, нигде не было.

Расстроенный, Давид спустился вниз на улицу Крещатик, молча отстояв в очереди с теми самыми студентами, которые уже завтра будут зверски избиты, он не хотел слушать, о чем рассуждают мечтательные идеалисты, и тем более не собирался ничего им рассказывать.

Возможно, именно за этим его и отправили в это время, возможно высшие силы избрали его, чтобы он рассказал людям обо всем, что ждет их после... Нет, кто он такой. Он же просто «капля в акеане» капля – которая незаметно раствориться в бурлящей пучине.

Весь вечер Давид ездил в метро от станции к станции, переходя на разные ветки, продолжая и продолжая попытку вернуться домой. Весь этот головокружительный сюрреализм, разбросанными пазлами никак не мог уложиться в его голове, в полном отчаянии он вышел на перрон станции «Героев Днепра», сел на лавочку и обхватив рукой голову, просто решил ждать, сам не зная чего. Мимо проносились сотни пар ног, шумели поезда, хлопали двери вагонов, а Давид продолжал сидеть на месте, испуганно глядя в одну точку.

– Расскажешь кому, не то, что не поверят, еще и в психушку пригласят. Но а если не найду выход – сам туда лягу.

– Осенью с тоской миришься. Каждый год в тебе что-то умирает, когда с деревьев опадают листья, а голые ветки беззащитно качаются на ветру, в холодном зимнем свете. Но ты знаешь, что весна обязательно придет и замерзшая река снова освободится от оков льда.

Незнакомец постучал Давида по плечу встал и пошел прочь, быстро затерявшись в толпе. Всё что успел увидеть Давид это грязную куртку цвета хаки. А может быть, ему показалось – он сам не знал что теперь реальность, а что нет.

– Как долго этот человек сидел рядом, я даже не заметил его присутствия.

В недоумении он огляделся по сторонам, рядом с ним на скамье лежала сумка, это был запакованный спальный мешок.

– Спальный мешок, точно не помешает, учитывая, что эту ночь придется ночевать на улице. Подумал Давид. За короткое время толпа рассосалась, словно молекулы ядовитого газа. И взгляд его случайно остановился на одинокой фигуре, стоящей на другом конце перрона. Кроме их двоих в подземке никого не было видимо уже оставались считанные минуты до закрытия.

– Мэри?

Это точно была она, Давид узнал её безупречно черные, волнистые волосы, она была одета в красное пальто, которое они вместе так долго выбирали, примерив сотню разных вариантов.

– Мэри!!!

Крикнул он.

Но его голос перебил шум подъехавшего состава.

Давид схватил сумку со спальным мешком и бросился бежать к своей девушке.

Обережно Двери відчиняються. Прозвучало из динамиков.

– Мэри!! Мэри стой!!!

Она по прежнему не видела и не слышала его.

Девушка зашла в пустой вагон и обернулась лицом, к бегущему изо всех сил, Давиду.

– Мэри, стой.

Он видел её алые губы на измученной потускневшей маске лица.

– Обережно двери зачиняються

В последнюю секунду Давид вскочил закрывающиеся двери.

Их разделяло не больше пяти вагонов.

Состав, тронулся и отправился в депо.

Давид пробирался к ней, он должен был догнать ее во что бы это не стало. Проходя пустые вагоны он лишь считал:

5й, 4й, Мэри, как это возможно? 3й...

Вагон слегка потрясло, свет погас и он почувствовал легкое, уже знакомое ему состояние невесомости.

3

Яркие, лампочки осветили металлический ящик, в глазах все расплывалось, но Давиду уже было легче, привычнее навести фокус. Двери ультра современного лифта распахнулись в стороны. В проеме появилась белая фигурка, она была похожа на ангела, в туманной пелене, ровные, светло русые волосы, драгоценным шелком спускались к узким плечам, но не касались их. Белоснежная блузка светилась в лучах от светодиодных ламп.

Напрягшись изо всех сил, Давид пытался разглядеть её лицо. Пухленькие губы, немного задернутый вверх кончик носа и огромные голубые глаза, которые так же пристально всматривались в него.

– Давид Алексеевич, Вы что в поход собрались? Или только вернулись из похода? Вас, кстати никто не дожидался, собрание началось без вас.

Несмотря на то, что Давиду удалось настроить своё зрение, он не мог справиться с подступающей к горлу рвоте.

– Лена отойди!

Он в сторону отодвинул девушку рукой.

Крепко сжимая спальный мешок в районе груди, он направился напрямиком в туалет. Это был его офис, он выучил каждый поворот, каждый угол и бугорок в ковролине, за последние четыре года.

Добравшись до туалета, он встретил бухгалтера Витю, в проходе, и беспардонно оттолкнув его, влетел в кабинку...

Стоя над раковиной, Давид смотрел в зеркало, капли воды медленно стекали по исхудавшему лицу к подбородку, начиная свой путь от впалых глазниц.

Рядом с унитазом лежал спальный мешок, слабое, доказательство того что он не сошёл с ума.

– А может быть я действительно перепил? пора завязывать.

Умывшись и максимально, насколько это возможно, Давид привёл себя в порядок. Поднял с пола спальник и отправился к своему рабочему месту. Снова встретив Лену на своём пути.

– Леночка, что тебе нужно, ты следишь за мной?

Девушка ни сколько не смутилась, лишь сильнее обняв две толстые папки, сказала.

– Давид Алексеевич, дресс код распространяется на всех сотрудников, в том числе и на Вас, не сменившего свою рубашку ещё с пятницы. Компания сейчас переживает не самые лучшие времена, и каждый сотрудник находится в шатком положении.

– И где же меня носило все это время?

– Это только вам известно Давид Алексеевич.

– Спасибо Леночка, дай пройти.

– Я думаю, что Феликсу не понравится рукоприкладство на работе.

– Рукоприкладство? Феликс? Леночка с чего это такая фамильярность.

А где сейчас Андрей Феликсович?

– Как где? На собрании по поводу сокращений, а вас там нет.

– Я знаю, что меня там нет, Лена.

Обхватив руками хрупкие плечи, не обращая внимания на ее «ой» и упавшие на пол папки. Давид подвинул в сторону секретаршу и отправился к своему рабочему месту.

– И как только Мария вас терпит, хам!

– Мэри? где ты?

В голове Давида зашумели вагоны метро, перед его глазами возникла та самая маска, навевающая ощущение невыносимой усталости.

– Это была ты... я видел тебя... Непроизвольно бормоча в надрывистом шепоте, он рухнул на засаленный офисный стул, рефлекторно взял в руки авторучку и нервозно, стал щелкать большим пальцем по кнопке.

– А ВЫ ЧТО ДУМАЕТЕ, Я ПРОСТО ТАК ПЕРЕВЕЗ ГЛАВНЫЙ ОФИС И АРЕНДОВАЛ СКЛАДЫ В ЭТОЙ ПЕРИФЕРИИ. ВИ ДУМАЕТЕ, МНЕ БЫЛО ЛЕГКО ТОГДА вот так оставить все. ВЫ ДУМАЕТЕ, МНЕ ЛЕГКО СЕЙЧАС!!!?.

Доносилось из резко открытой, стеклянной двери.

Надя, хорошая знакомая и, казалось, незаменимый сотрудник, вся в слезах выскочила из конференц-зала.

Собравшись с силами Давид решил зайти, это была его прямая обязанность присутствовать на подобных заседаниях. К тому же если и узнать о своем увольнении, то лучше узнать об этом сразу. Он тихо приоткрыл дверь, и как можно незаметнее прокрался к пустующему креслу. Видимо с минуту назад в нем сидела Надя.

– А ВОТ И НАШ БЛУДНЫЙ СЫН, ДАВИД.

– ДАВИД вы пропустите ВСЕ ВЕСЕЛЬЕ, Я НАДЕЯЛСЯ, ЧТО ВЫ СМОЖЕТЕ ПРЕДОСТАВИТЬ НАМ АКТУАЛЬНЫЕ ЦИФРЫ, НО сегодня вы обошлись БЕЗ ВАС, КАК ВЫ думаете ДАВИД, МЫ СМОЖЕМ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ВАС В БУДУЩЕМ.?

Голос покрасневшего Феликса то и дело срывался с гневного баса на изнеможенный фальцет.

Шум и грохот вагонов метро, алые губы и бледное лицо Мэри, зависли в голове Давида. Неожиданный приступ тревоги, кольнул его острием жала, нет не тревога за свое рабочее место, а что-то другое, необъяснимое.

Он продолжал молча сидеть в кресле, опустив вниз правую руку, а в кулаке сжимал, все тот же спальный мешок.

– Почему Вы молчите Давид, Я ЖЕ ЗАДАЛ ВАМ ЧЕТКИЙ ВОПРОС.

– Время, объявлять банкротство и покупать оружие.

Непроизвольно вырвалось у Давида.

– ЧТО вы СКАЗАЛИ.?

Давид ещё помолчал с полминуты и, уверенным голосом, сказал.

– Оглядываясь на наше прошлое, Андрей Феликсович, Я не уверен в нашем будущем. Мне кажется, что уже ничего не изменится. Вы можете уволить нас всех, увольняя и увольняя каждого, пока не уволите сами себя... .. Объявите банкротство, купите оружие.

Коллеги в зале и так сидели, тихо, спрятав глаза, словно щенки насравшие в тапок любимому хозяину, но теперь над столом повисла, предсмертная тишина, как замолкает, ликующая толпа, в момент падения гильотины.

– Давид Алексеевич, вы свободны.

Ровным спокойным голосом, ответил грозный Начальник.

Так же спокойно, Давид поднялся и вышел вон...

Тошнота, все ещё не отступала, в голове, уже как воспоминание звучал стук металлических колес по рельсам. Подойдя к своему рабочему столу, все что он решил забрать, это фотографию его девушки.

Милая, открытая, улыбка, большие карие глаза, выразительно-тёмные брови на фоне тепло-бежевой, медовой кожи, и шикарные, черные, как ночь и такие же непослушные, волосы. Мэри, возвращаясь из короткого, но солнечного отпуска, навечно застыла в миниатюрной рамке. Она тогда, улыбалась ему, погрязшему в бесцветной рутине встреч, отчетов и докладов. Счастливая, сидя в плацкарте, она отправила ему селфи. А он распечатал эту маленькую фотографию и поместил в крохотную рамку под стекло. Теперь она, всегда, освещала, июльским солнцем его серые будни.

Положив фотографию во внутренний Карман, Давид направился к выходу. Заходить обратно в лифт он, откровенно, боялся. Но и спуститься вниз по ступенькам он не мог, так как не нашёл свой магнитный пропуск. Вернувшись обратно, он обыскал свой стол, каждую полочку и тумбочку, под клавиатурой, в кипах, уже бессмысленных бумаг, но нигде не было пропуска.

– Мне было приятно с тобой работать, Давид, желаю удачи, прощайте.

Надя, с трудом сдерживая, ещё не успевшие высохнуть, слезы, на миг остановилась возле нервно разрывающего своё рабочее место Давида и спешно направилась к лифту, в который заходили еще двое стажеров.

Подняв, не понятно для себя зачем, с пола мешок, Давид кинулся к ним вдогонку.

Он успел просунуть руку в закрывающиеся двери и протиснуться в кабину лифта.

– Подождите, вместе не так и страшно...

– Вы о чем, Давид Алексеевич? Спросил один из стажеров.

– Но Давид ничего не ответил, да и не расслышал он, о чем его спросили. Все что он слышал это, скрежет шестеренок и стук своего сердца.

Лифт остановился на первом этаже, и все четверо спокойно вышли в холл.

Там их, с поддельной улыбкой, встречал охранник, Сивашенко Борис Ульянович

Он, просканировал, проходящих через турникет, отточенным за долгие годы (стучательства), взглядом.

– Добрый день Борис Ульяныч

– Добрый день Давидушка, охранник продолжал все также улыбаться, слегка приподняв, свои тоненькие и наверное подкрашенные, брови.

– Пропуск, где то потерял, пропустите?

– Хм, как потерял, а как ты зашёл?

– Вася пропустил.

– Не мог он тебя пропустить. Комарова Васю уволили ещё в пятницу.

– Как уволили.

– Сокращение... Тихо и спокойно, сказал охранник. Вальяжно откинувшись на стуле.

– А почему же тебя не сократили, ты старый, бесполезный хрыщ.

Давиду было трудно сдерживать бурлящий внутри него гнев.

Вася был молодым и сильным, с армейским опытом за плечами. А ТЫ, старая свинья, как смог угодить начальству? своими бесконечными рапортами?!

– Выбирайте выражения, молодой человек.

– Да пошёл ты.

Давид резким движением перепрыгнул турникет и, больше, не обращая внимания на старого стукача, направился к выходу.

А Сивашенко Борис Ульянович, так и сидел, замёрзший от страха, на своём затертом стуле.

Выйдя из бизнес центра Давид, сел в такси и назвал домашний адрес. Он старался успокоить свои нервы. Несмотря на весенний день, картинка за окном старенькой «OPEL ASTRA», на литовских номерах, была наполнена серыми и холодными оттенками.

По радио снова и снова проигрывали, словно, заевшую пластинку, новости об «Агрессии... новых веерных отключений электричества ...и очередных призывах...»

– Да кого, блядь, они ещё собрались призывать? Уже нихуя не смешно! Проклятая война всех перемолола. Стукнув ладонью по рулю, громко выругался водитель.

Давид старался не слушать ни радио ни водителя, на душе и без того было паршиво и тошно...

И вот, наконец, то машина заехала во двор, Давид расплатился и выскочил к подъезду. Водитель еще о чем-то матернулся, но не вслед пассажиру, а скорее всего опять на радио и тронулся с места.

Ключи, достанутые из кармана не подходили, магнитный замок отказывался срабатывать и металлическая дверь подъезда не открывалась. Давид в недоумении разглядывал ключ. Это были ключи, которые ему оставил Петров.

– Я схватил не те ключи, вот идиот. Идиот, но не сумасшедший.

Дверь запищала и открылась, неспешно на улицу выходила, тучная, женщина.

– О, здравствуй Давид. Поздоровалась она.

Здравствуйте Теть Зин.

– Как твои дела?

Но на разговоры не было времени, пропустив женщину, он пулей влетел на лестничную площадку и размашистыми шагами, быстро, по лестнице поднялся на третий этаж.

Подойдя к двери он нажал на звонок. Потом еще и еще раз, но никто не открывал дверь. Давид продолжал звонить и стучать в дверь, пока не вышла соседка и не сказала, что все выходные никого не было, и что «Машу» она уже давно не встречала.

Какое то время он сидел на лестнице, потом решил и вызвал лифт. Около часа он безрезультатно гонял кабину вверх и вниз.

Не зная, что еще делать, Давид решил на автобусе отправиться в Киев, ему нужны были ответы, он должен был найти её.

На вокзале при покупке билета у него попросили паспорт.

– Но я ведь не поездом еду это обычный рейсовый автобус.

Извините, но это таковы новые правила пассажироперевозок.

Наличных оставалось немного и он расплатился картой.

Зайдя в автобус, Давид обратил внимание, что в салоне сидит еще три человека, а до отправки оставались считанные минуты.

– Рейс скоро отменят.

Говорила контролер водителю автобуса.

– И что они предлагают мне делать.

Да их не волнует чем ты, будешь заниматься, их волнует то, что ты уже месяц почти порожняком гоняешь автобус тудасюда.

Давид прошел в салон и уселся на предпоследние места, достал из внутреннего кармана куртки маленькую фотографию, как будто пытаясь согреться лучиком тепла. И у него получилось, ему стало теплее, но усталость еще сильнее сковала его тело. Положив голову на спальный мешок, не дожидаясь пока автобус тронется в путь, он уснул...

Глава III **Давай подбросим камни в небо**

1

Печь уже давно остыла, а Весна не выносимо, словно кокетливая девушка, оттягивала свое появление. Холодный ветер проникал в квартиру, через огромные щели в старых окнах. На какое то время в комнате повисла тишина, слышны были лишь стук игральные костей, и передвижение фишек по доске. И треск зажигалки, от которой прикуривали сигареты.

Курящих здесь было не много, но один умудрился задымить едким дымом дешевых сигарет всю квартиру... Все затихли как будто затаились в засаде, чувствуя что вот, вот появится враг, и пора будет действовать, действовать уже не раздумывая. Все решения необходимо принять тут и сейчас, навсегда оставив сомнения в стенах этой продуваемой всеми ветрами квартиры.

Заядлого курильщика звали Илья, он сидел на подоконнике, спиной прислонившись к стене, свесив правую ногу к полу. Рядом с ним стояла пепельница – стеклянная банка, которая уже наполовину была забита окурками, все тех же дешевых сигарет.

– Эй, а что ты там постоянно пишешь? Обратился Илья к сидящему возле печи парню.

На первый взгляд Илья казался абсолютно спокойным, он оставался хладнокровным при любых обстоятельствах, никаких чувств, а лишь холодный расчет. Но все же под этой железной маской скрывался человек, и выдавала его самая пагубная человеческая привычка – курение. Илья курил много, но в случаях, когда требуется особая концентрация внимания он курил еще больше.

А сегодня был именно тот день, а вернее шел уже четвертый день, как он сидит на этом подоконнике смотрит в окно и выкуривает сигарету за сигаретой.

– Так что ты там пишешь? Спокойным голосом повторил он у сидящего, возле печки, но все ощутили тяжесть вибраций, что невидимой волной ударились в пол, потолок и стены этой квартиры.

Артур молча продолжал разжигать костерок из мятой бумаги и трех сломанных карандашей.

– Какая тебе разница, что он там пишет, он все равно сжигает все что написал.

– Это наверное письма очередной любимой, Артур у нас романтик. Бросив кости, Цезарь улыбался «шесть – шесть» – двенадцать ходов которые смогут вынести его фишки из игры.

Цезарь был веселым и возможно на него можно было положиться, как и на всех сидящих тут. Но скорее всего Цезарем его назвали не в честь великого политика и полководца, а в честь салата.

Илья затушил бычок, и продолжил смотреть в окно, поглаживая густую бороду.

Киевлян уже несколько лет не удивляют торчащие трубы из форточек, прокопченных квартир, вместо кондиционеров. Для многих кондиционеры и даже обогреватели, давным давно стали слишком дорогим удовольствием, на центральное отопление тоже уже нельзя было положиться, так буржуйки и стали вполне нормальным атрибутом киевских квартир

– Нет, Цезарь, ты не прав, любимой может оставаться лишь одна, а я уже давно написал ей последнее письмо и больше ни строчки, ни слова ни точки ей не напишу, потому что её больше нет.

Артур порвал на клочки ещё один лист и отдал их на съедение мелкому огоньку...

– Мы многих потеряли за последние несколько лет, и нам уже ничего не вернуть.

Максим подобрал игральные кости с доски, переложил их в левую руку, дунул в кулак и выбросил их обратно.

– Четыре-четыре. Тоже не плохо. Улыбался цезарь.

Вдруг в дверь постучали.

Илья, приложив указательный палец к губам, отдал приказ сидеть тихо. Затем, правой рукой, он медленно достал пистолет из кобуры. Артур, Цезарь и Макс медленно подняли свои автоматы с пола.

В дверь постучали снова.

Цезарь привстал со стула и подошел к стене.

Затем они услышали, как поворачивается ключ в замочной скважине. Вооруженная до зубов четверка недоуменно переглянулась, а в двери возник, трясущийся от холода, молодой человек в легкой, кожаной куртке. Он, аккуратно прикрыв за собой входную дверь, обернулся и, не успев сделать и шагу в направлении комнаты, получил прикладом в голову.

2

Сильный толчок разбудил Давида, он все еще продолжал ехать в автобусе.

– Да не-уже-ли оп-ять!?

Он старался оглядеться по сторонам, но опять мало что мог разглядеть. Приступ рвоты не заставил себя долго ждать, и бедолагу, стошнило прямо под сидение. Водитель ничего не заметил. И автобус продолжил свой путь въезжая в город. Но уже на выходе из автобуса он одернул руку Давида и сказал:

– парень ты кто такой? Почему я не видел, как ты садишься в автобус, где твой билет.

Еще пытаясь, навести резкость, Давид протянул, смятый билет, водителю.

Да ты что паскуда издеваешься, этой бумажке уже шесть лет, ты, что думаешь, я совсем идиот? Плати штраф!

Но Давид выпрыгнул наружу, пока водила не успел закрыть дверь. Ноги его приземлились в снег, он чуть было не поскользнулся, испугавшись еще сильнее он инстинктивно двигался с толпой, которая и привела его к подземке.

Он спешно спустился в метро, придя в себя, и уже немного понимая как работает механизм, пока ещё не объяснимого явления. В кармане оставалось ещё три жетона, купленные в 2013м. Он бросил один в скважину турникета и направился вниз. Спускаясь по эскалатору, он пытался вспомнить, понять и поверить в то, что только что сказал ему водитель автобуса.

Выйдя на улицу, и чтобы не замерзнуть, Давид побежал вверх по Ярославому Валу, в сопровождении, безразличных и насмешливых, взглядов прохожих.

Холод, острыми иглами впивался в тело, ноги намокли и онемели, но Давид бежал дальше. Он уже хотел упасть, и уснуть, уснуть навсегда и возможно тогда, на этот раз он проснется в теплой постели, а рядом с ним будет, недовольно, ворочаться его любимая Мэри. Но Древний инстинкт самосохранения, подгонял его вперед.

Наконец то, память подсказала Давиду, что нужно повернуть налево и спуститься вниз по переулку.

Давид забежал во двор, на этот раз магнитный ключ подошел к двери. Хватаясь руками за холодные перила, он бегом поднялся по лестнице и остановился возле той самой бронированной двери. Отдышавшись с минуту, он постучал...

Очнулся Давид на полу, одной рукой прикованный к батарее. Перед ним стояли четыре вооруженных человека. Один из них подошел ближе и присел на корточки.

– Давид? Это ты?

Давид всматривался в грубое лицо, покрытое рыжей, словно ржавым налетом, щетиной, с короткой стрижкой таких же рыжих волос.

– М-М-Макс?

– Бля буду! это же Давид. Крикнул рыжеволосый и продолжил разглядывать прикованного к батарее.

– Но этого не может быть ты совсем не изменился с момента нашей последней встречи, нет немного все-таки поплохел, исхудал, но все же... Макс продолжал осматривать старого друга, все еще не веря глазам.

– Артур, растопи печь поскорее, и дайте мне его спальник, он же совсем продрог.

Илья передал ему, уже распакованный и обысканный, спальный мешок, но с розжигом печи, жестом приказал не спешить.

– Откуда ты его знаешь?

– Это мой друг, мы уже сто лет с ним не виделись, я если честно и забыл уже сколько, ведь столько всего произошло. Слышишь Давид, ты что провалился под лед и все это время был заморожен.

– Я... Я не знаю возможно...

– Да разведите же вы огонь, изверги.

Скрипнула дверь и в неё вошли двое.

– Я вас спрашиваю, пачему вы не спустились в низ? мы падагнали машину под окно.

Трое расступились в стороны, а рыжий сказал.

– Джем, ты посмотри кого я встретил.

В проеме двери стояли два человека: один невысокий, но весьма плечистый, с сильными руками. Его лицо было знакомо Давиду, хотя оно и было весьма изменившимся.

Рядом чуть пониже стоял Серега, в шапке натянутой на брови и уши, тот самый, которого Давид ударил в лоб, позавчера на кухне. Но уже повзрослевший Серега.

– Ну, Джем ты, что не узнаешь?

Джем молчал... Он, пытался вспомнить, сколько прошло лет с их последней встречи

– Давид? Это правда, ты. Сложно поверить, но это ты...

Вот теперь точно, прикованный к батарее, человек, хотел оказаться сумасшедшим, ведь ещё пару дней назад, он поставил, бокал на потертый, старый стол, за которым сидели эти двое, влюбленный Макс и вечный спортсмен Джем.

Давид постарался приподняться, но пристегнутая рука, потеря сил и невыносимым холод, не давали ему встать на ноги.

– Снимите наручники, негромко сказал Джем.

– Нет, постойте, нам пора ехать мы и так потеряли время. Артур разведи огонь, и сторожи нашего гостя, можешь приготовить ему чай и укрой еще одним покрывалом.

– Правильно, нада ехать.

– Потом разберемся, Илья взял с вешалки,, форт-226,, ремень с обоймой и двумя ручными гранатами.

Остальные тоже наспех собирали амуницию.

Джем приблизился к Давиду на два шага, и присев на одно колено, всматриваясь в огромные зрачки сказал.

– Дружище, я обязательно вернусь за тобой, тут ты в безопасности.

Группа, поспешно, но тихо вышла из квартиры и устремилаь во двор.

Артур развел огонь в чугунной печи, оставив приоткрытой дверцу, чтобы ещё немного подпитать кислородом, жадно дышащий, огонек. Потом поднялся и подошел к окну. Выглянув на улицу он присвистнул.

– Шикарную на этот раз Серый тачку нашел. Лексус – представительный кабель, благородно-антрацитового окраса.

Затем повернулся к Давиду и присел на корточки. Поправил на нем спальный мешок. Посмотрел ещё с минуту на побледневшее лицо, взял с дивана одеяло и укрыл им замершего пленника, а потом отправился на кухню. Заваривать чай.

Через час Давид отогрелся, раскаленный металл делился своим теплом с сидевшими возле буржуйки двумя молодыми людьми.

Артур, был ровесником Давида, но может быть на год другой младше, слегка сумасшедшие глаза и суровая тень на лице, Приготовив Давиду чай, он все это время сидел рядом возле печи, крепко держа, свой АК-48 обеими руками, и прислонившись лбом к дулу автомата. Также крепко Давид сжимал чашку горячего чая.

Через какое то время он поднимался и разминал плечи. Несколько раз смотрел на блокнот с карандашом и каждый раз, резко, отворачивал голову. Потом сделал круг вокруг своей оси, он смотрел на Давида, ему было интересно, и он хотел поговорить.

Он положил свой автомат на стол, холодный металл тихонько стукнул по дереву.

– Этот старичок меня еще ни разу не подводил, эту модель разработали специально для ВДВ, удобен при выброске с парашютом, при марш бросках в лесистых и болотистых местностях. Ну и конечно же в условиях городского боя.

Артур подвинул стул, и присел на него. Выпрямив скрещенные ноги. И сложив руки замком.

– Тебе, что то известно об оружии?

– О каком оружии? ответил ему Давид.

Артур молча смотрел на пленника, дожидаясь ответа.

– Хорошо... допустим...как хорошо ты знаком с оружием, что ты знаешь об оружии в общем, владеешь ли ты им.

– Я..Я, Я раньше любил пострелять в тире, немного запинаясь ответил Давид.

– В ТИРе? усмехнулся солдат.

– Да, я неплохо стрелял из макарова, понравился мне Дезерт ИГЛ.

– Не плохо, а автоматы

Давид молчал. Артур улыбнулся и закинул руки за голову.

– А что тебя к нам привело?

– Я, девушку ищу свою

Тихо ответил Давид...

Артур подошел к окну, на подоконнике лежала пачка сигарет, подкуриив одну, он какое то время смотрел на серый асфальт внизу.

А потом заговорил, глядя в одну точку.

– Я дезертировал прошлым летом, просто понял, что зря все это. Домой было ехать нельзя, и к ней мне ехать тоже было нельзя, но я не удержался.

Была чудесная погода, мы гуляли по парку... Внезапно, тяжелые капли дождя настигли нас. Она намочла в считанные минуты, её золотистого-бронзовые волосы, так быстро промокли и стали похожи на волокна швабры. Я молча держал ее за руку, мы бежали в поисках укрытия.

Затянувшись сигаретой Артур усмехнулся, приятным воспоминаниям.

– Я решил не говорить ей об этой, мимолетной ассоциации. Ведь она все равно была прекрасна. Убежище оказалось совсем рядом, это был навес летней террасы, довольно милого кафе. Мы прыгнули под зонтик и сели за пластмассовый столик. Тёплые капли дождя барабанили у нас над головой, струйки воды, ручейками стекались по её бархатистой коже, а дальше падали вдоль изящной шеи. Мы смотрели друг на друга и весело улыбались.

– Ты весь промок.

– Тебе не холодно?

– Нет, ни капельки

Артур рассказывал это продолжая смотреть в окно.

Мы снова засмеялись, я утопал в её глазах. Её глаза, сегодня, были похожи на небо, которое вот, вот обрушится на нас. Серые и на первый взгляд печальные, возможно даже хмурые. Я долго продолжал всматриваться в них, боясь утонуть.

А ведь еще вчера её глаза отражали ясное, голубое небо.

Он сделал затяжку, и догоревший окурок обжег его пальцы, но Артур не заметил этого.

– Она продолжала улыбаться и вытирать, своею нежной рукой, капли с моего лица. Я помню этот день до малейших подробностей, каждое слово, каждый звук, вылетающий из её нежных уст.

Мы поцеловались. Казалось, что жар нашего поцелуя вмиг высушит нашу одежду, да всю эту улицу, весь этот проклятый город.

Она тогда спросила меня: «Тебе никогда не казалось, ты не задумывался, что мы живём не в своё время?» Я не понимал, что она имеет в виду. «Мне не нравится то, что происходит с нами, все это не правильно, почему мы опять должны расставаться» Повторила она. Ее голос тихо подрагивал печальным аккордом, Я помню каждое её слово, каждый взмах её ресниц.

Её родители, наконец то оформили визы и на следующий день они должны были улететь за границу, где уже давно обосновались их родственники. Но ранним утром в квартиру ворвались неизвестные, они убили всех и забрали уже упакованные чемоданы и деньги.

Артур замолчал. Сверху вниз, он посмотрел на Давида и сказал:

– Прошу прощение за лирическое отступление.

Затем, он глянул на часы и отправился на кухню.

– Уже четыре часа, ребята скоро должны вернуться. Приготовлю ужин на всякий случай.

Давид остался в комнате один. Это была та же самая комната, что и два дня назад, кирпичи уже не валялись по квартире, а были аккуратно сложены в стопку, на которой стояла игральная доска в нарды. Мешки со стройматериалами заменили ящики с боеприпасами.

Через два часа, когда уже начало смеркаться во двор заехал чёрный лексус. Из него вышли четверо, один из них слегка прихрамывал.

Артур слышал, как заезжает автомобиль, знал, верил, что это его друзья но все таки повесил на плечо автомат и подошёл к двери. Внимательно прислушиваясь, он поглядывал в дверной глазок. Потом, облегченно, сказал

– Свои. И за секунду до стука, он открыл в дверь.

Все сразу прошли на кухню. Джем только заглянул в комнату и отправился за остальными.

– Рассказывайте, как все прошло.

– Справились быстро и чётко. Спокойно ответил Джем.

– Идея с перехватом оказалась ещё лучше предыдущей. Илья поставил спортивную сумку на стол.

– Если бы пришлось валить их на территории. Могли возникнуть проблемы, а так выскочили им на перекос. И я сразу стал по ним палить.

– Как это ты, я сразу вальнул водилу, запротестовал Цезарь.

– В общем, сработали хорошо. Нажива удачная.

– Джем поставил, оперев об холодильник два пистолет-пулемета «форт- 226».

– Илья выложил из сумки две пачки денег, – тут около 10 тысяч. Три пистолета, два ножа и один топорик томагавк

– В багажнике лежал. Пожал плечами Макс.

– Я с этих уродов ещё часы снял, а с этого пидара все перстни. Серега положил на стол шесть золотых колец. – Посмотрите, тут и бриллианты и рубины... Вот же петушара.

– А самотык из жопы ты у него не достал?

– А что с ногой. Спросил Артур у Макса.

– Да так, водила очухался. И Шмальнул, вслепую. Но я его быстро успокоил.

– Как думаете, сколько можно будет поиметь с погремущек?

Каждый, на кухне, уже насыпал себе в тарелку спагетти с фрикадельками и налил в стакан томатного сока.

Джем вынес тарелку и сок, дружески улыбнулся Давиду. И удалился обратно на кухню.

– Ну за такой скарб... сложно сказать, продавать нужно быстро особо не поторгуйтесь...

– А, что наш гость рассказывал.

– Да ничего, говорит, девушку потерял.

– Девушку? Переспросил Макс

– Неужели Мэри? Его нужно развязать.

Джем поставил тарелку возле раковины и направился в комнату, Илья на этот раз не возражал.

– Сергей и Артур. Сказал он. – Возьмите машину и утопите её в реке. А мы пока побеседуем с гостем...

3

Артур и Серега залезли в шикарный салон, из красного дерева и дорогой кожи. Серега сел за руль.

– Да, жалко тапить такого лехуса.

Артур провел рукой по гладкой, лакированной поверхности. Открыл бардачок и достал оттуда розовую сумочку, инкрустированную камнями,,своровски,,

– Ты что, бабу какую то грохнул?.

– Нет мужика в костюме. Правда, безоружного.

– Ну и пусть теперь гниет в канаве, поехали...

Тем временем, четверо бойцов уселись поудобнее, продолжая пристально разглядывать незваного гостя. За окном уже стемнело, но недолго они сидели в полумраке, Илья подошел к противоположному углу, сунул руку в тень, раздался тихий щелчок выключателя, и над ними загорелось две светодиодные лампочки. Давид разглядел замысловатое устройство, сделанное из автомобильного аккумулятора и проводов.

Максим весело улыбался, Цезарь был наоборот как никогда серьёзен.

Джему очень хотелось поговорить со своим старым другом, но все ждали, когда начнёт Илья.

Тот в свою очередь, молча докурив одну сигарету, достал вторую и сказал:

– Серёга узнал тебя, он хоть и туповат но, вот память на лица у него феноменальная. Это и объясняет, откуда у тебя ключи. Но все таки мне эта ситуация не понятна, а я очень не люблю когда, что то не понятно. Так что постарайся объяснить.

– Я, Я сам ничего не понимаю, мы пили. Давид кивнул в сторону своих друзей. Я пошёл домой, проснулся в вагоне метро. Потом меня встретили Петров и этот в шапке.

– Когда это было?

– Позавчера.

Четверо удивленно переглянулись.

– Но Серега говорил про 13й год...

– А потом? Хрипло кашлянув, от сигаретного дыма, спросил Илья.

– Потом, я убежал. Спустился в метро... Я видел Мэри

– Подожди, Мэри? Ту самую, твою...? Улыбка пропала с лица Макса.

– Да, она зашла в вагон, я побежал за ней и оказался, у себя в офисе...

Давид замолчал, обхватив голову руками, он пытался поверить сам себе, вновь мысленно прокручивая все события. – Меня уволили.

– Когда?

Давид поднял глаза на Джема. И сказал:

– Сегодня.

– Бред какой то. Фыркнул цезарь.

Давид, не слушая комментария продолжил.

– Я отправился к себе домой, но ключи не подошли и я решил вернуться в Киев.

– На чем на машине времени? Вновь оскалился Цезарь.

– Нет, на автобусе.

Он не понял шутки, но как ему казалось уже начал понимать, что происходит.

Давид, друг мой. Джем приблизился поближе, этого просто не может быть. Со дня тех увольнений, уже прошло много лет, да если честно, я сбился со счета уже, так много всего произошло, с момента нашего расставания. За увольнениями последовали массовые, народные волнения, митинги. Потом сосед активировался и решил захватить еще немного наших территорий. Мы с Максом ушли в добровольцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.